

ИССЛЕДОВАНИЯ БАКЛИНСКОГО ГОРОДИЩА В 1971—1972 гг.

Баклинское городище, расположенное на северной окраине второй гряды Крымских гор, является первым крупным (из известных) поселением, лежащим на предполагаемом пути из степей в Херсонес и на южное побережье¹. В литературе его относят к так называемым «пещерным городам». Однако этот термин, господствующий в исторической литературе, довольно условен, так как многие городища юго-западного Крыма (исследованные к настоящему времени) не имеют пещерных комплексов². Кроме того, поселения, относимые к «пещерным городам», — разновременные³ и объединение их под одним термином вносит сложность в изучение экономического и исторического развития данного района.

По сравнению с другими поселениями городского типа Бакла имела ряд особенностей. Во-первых, она (за исключением небольшой цитадели) не имела мощных оборонительных стен, защищавших ее от воинственных пришельцев. Вообще расположение Баклинского городища как крепости очень неудобно, так как оно доступно обстрелу с горных плато, нависающих над ним⁴. Оно скорее всего напоминает убежища, характерные для позднескифского времени⁵. Вполне вероятно, что Бакла и возникла как убежище (в таком предназначении она расположена очень удобно, ибо с юга, со стороны долины, городище обнаружить очень трудно, а горная гряда, обрамляющая плато с северо-запада и северо-востока, прикрывает ее с севера) в III—IV вв. н. э. и, эволюционируя в феодальный город, просуществовала вплоть до монголо-татарского нашествия, т. е. до XIII—XIV вв.⁶

Во-вторых, мощность культурных напластований⁷ (на посаде она достигает 3—3,5 м), говорящая об интенсивности жизни на городище на протяжении его почти тысячелетнего существования, позволяет надеяться на выделение хорошо датируемого материала, что даст возможность представить экономическое развитие в северном районе юго-западной Таврики в наименее изученные периоды его исторического развития. Наибольший интерес представляют слабо изученные в Крыму слои V—VII вв., охватывающие временной промежуток между прекращением существования позднескифских городищ и экономическим подъемом VIII—X вв., а также слои XI—XIII вв., когда большинство сельских поселений этого района прекращают свое существование⁸.

Систематическое изучение Баклы было начато в 1961 г. экспедицией Государственного исторического музея под руководством Д. Л. Талиса. Основным объектом исследования являлась цитадель, расположенная

на скале в юго-западном районе плато. На территории посада проводились только разведочные работы. Так, в 1968—1970 гг. экспедицией ГИМа к северо-востоку от цитадели был обнаружен двухкамерный дом, относящийся к X—XI вв.⁹

С 1971 г. изучением посада Баклинского городища занимается один из отрядов Крымской экспедиции Уральского университета. После двух лет раскопок открыто несколько разновременных жилых помещений,

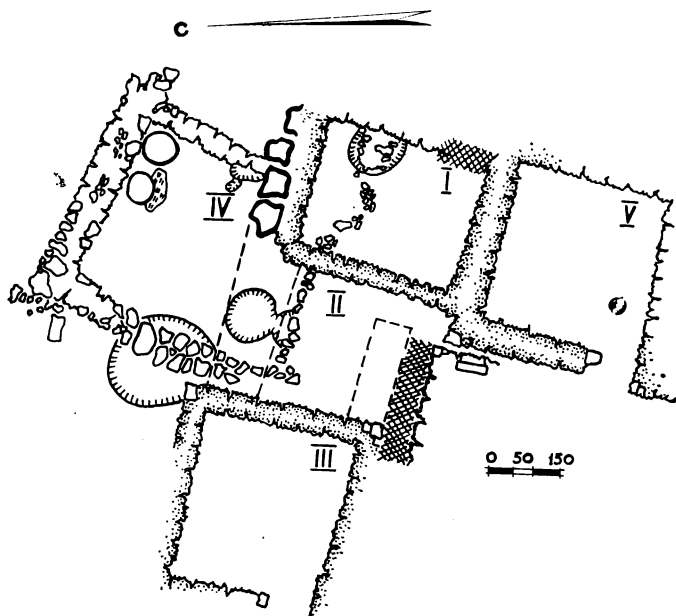

Рис. 1. Общий план раскопок на посаде Баклинского городища 1971—1972 гг.

выявлены слои, которые можно связывать с четырьмя периодами жизни на посаде.

К наиболее раннему времени относятся вырубки в материке, которые в плане представляют соприкасающиеся круги. В настоящее время обнаружены контуры четырех вырубок, которые пока не исследовались, так как они уходят либо под стены нераскопанных помещений, либо под борта раскопа (рис. 1). Стены, находящиеся над вырубками, имеют мощный фундамент (так в основании западной стены пом. 4 были положены скальные глыбы, образующие фундамент шириной 1,1 м). Верхняя часть засыпи вырубок состояла из плотной сырой бурой земли, где встречен немногочисленный керамический материал: фрагменты лепных, часто лощеных сосудов, по форме напоминающих лепную посуду последнего периода Алма-Кермена¹⁰. Материал не выходит за рамки первой половины первого тысячелетия н. э.

Вырубки перекрываются слоями V—VI вв. Стен, относящихся к этому периоду, выявить не удалось. Очевидно, они были разобраны в древности при более поздних строительных работах, которые нарушили и слои V—VI вв. в некоторых помещениях (например, в пом. 1). В одном из помещений (условно пом. 4) обнаружена сильно разрушенная бытовая печь. Сохранились фрагменты сырцовых кирпичей, из которых она была сложена. Рядом находилось большое количество зеленоватой глины и пепла. Наиболее характерным материалом в этих слоях являются фрагменты ангобированных желобчатых амфор¹¹ и амфор с глубоким и частым рифлением¹².

К третьему периоду жизни относятся стены ранних помещений и примыкающие к ним слои. Одно из помещений вскрыто полностью. Размеры его 4,7×3,2 м. Стены сохранились высотой от 20 см (южная и восточная) до 70 см. Они сложены в характерной для Баклы технике кладки «елочкой»¹³. При строительстве помещений этого периода использовалась зеленоватая глина, служившая как для цементации кладок, так и для обмазки стен. Отсюда слои, относящиеся к этому периоду, приобретают зеленовато-серую окраску. Иногда встречаются небольшие прослойки, полностью состоящие из этой глины. Раскопанное помещение было разрушено при пожаре, а камень со стен использовался при более позднем строительстве (так от южной стены сохранился всего один ряд кладки). В северо-восточном углу при разборке каменного завала, образовавшегося при разрушении стен, были обнаружены остатки трех пифосов. Нижняя часть двух из них сохранилась *in situ* в своих гнездах. Гнезда пифосов обмазывались той же глиной, которая употреблялась при штукатурке стен. Керамический материал представлен фрагментами амфор, черепок которых плотный и имеет оттенок светлых тонов, примеси не прослеживаются. Выделяются также фрагменты ойнохой с росписью белым ангобом по плечам¹⁴. Анализ керамического материала позволяет датировать слои этого периода VII—VIII вв.

Четвертый период представлен помещениями 1, 3, 5, 6, построенными в IX—X вв. Характерно, что при строительстве этого времени план более ранних помещений нарушен. Открытые помещения последнего строительного периода можно разделить на два комплекса. К первому относятся помещения 1 и 5, а также, возможно, и помещение 6. Они связаны единым характером кладки. С юга к этому комплексу примыкает помещение, которое пока не раскапывалось. К другому комплексу относится помещение 3, связанное дверным проемом с другим еще не открытым помещением. Стены помещений этого периода были выложены кладкой типа «елочка» и обмазаны с внутренней и внешней сторон желтоватой глиной. На некоторых стенах сохранились следы обмазки толщиной 3—3,5 см.

Последние незначительные строительные перестройки относятся к началу XII в., когда дворик (или переулок, разделяющий помещения 1 и 3) превратился в жилую комнату, образовавшую с помещением 1 тот двухкамерный дом, который открыт в результате разведочных работ экспедицией ГИМа на посаде.

Наибольший интерес представляет слой пожарища, обнаруженный в помещении 1. Этот слой представлял каменный завал, образовавшийся в результате разрушения кровли и стен при пожаре. Засыпь состоит из серой земли с включением фрагментов глинистой обмазки, угля, золы. Вдоль северной и южной стен прослежены четкие следы сгоревших деревянных балок, вероятно, остатки рухнувших перекрытий. Помещение 1, как и большинство баклинских зданий, очевидно, имело два этажа. Вход в подвальную часть был со второго этажа, ибо в сох-

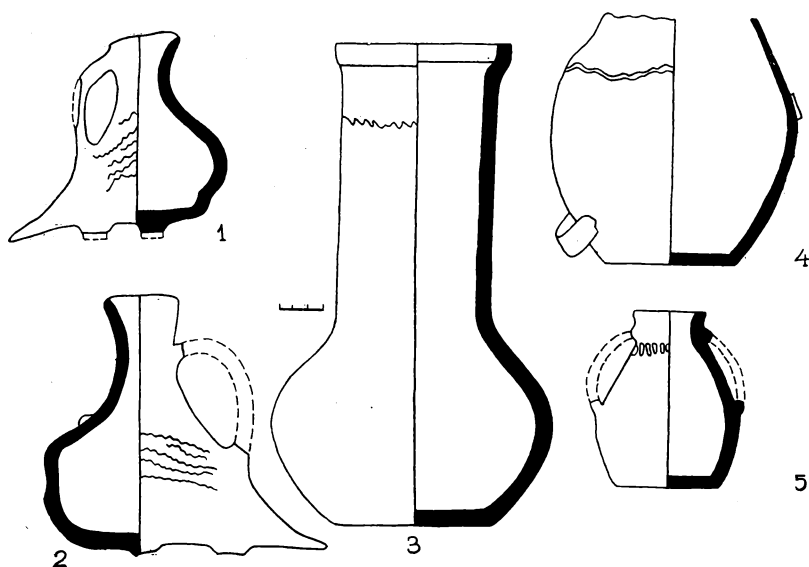

Рис. 2. Керамика IX—X вв. из каменного завала пом. 1.

ранившихся стенах (высотой до полутора метров) дверного проема не обнаружено. Открытая комната первого этажа использовалась для хозяйственных нужд. В метре от южной и западной стен помещения был врыт небольшой пифос. Верхняя часть его оказалась раздавленной обвалившимися стенами и обнаружена в засыпи, заполнившей этот пифос. Неподалеку найдена и крышка от него диаметром 30 см. У северной стены лежали два парных жернова, расколовшиеся во время пожара, сделаны они из песчаника (D_1 — 41, D_2 — 38 см). В северо-западном углу помещения выявлено скопление костей крупных животных. Около западной стены найдено несколько кухонных и столовых сосудов, раздавленных камнями (рис. 2). Среди них две ойнохои зооморфного типа, стилизованно представляющие птиц. В двух сосудах сохранились остатки обгоревшего зерна. Здесь же был найден расколотый керамический гончарный круг диаметром 44 см. Из других находок следует отметить фрагмент стеклянного браслета синего цвета, круглого в сечении, а также фрагменты розовоглиняной поливной керамики с подгла-

зурной росписью¹⁵. Судя по датируемому керамическому материалу, помещение подверглось разрушению не позднее X в.

Баклинское городище, основанное в III—IV вв., является типичным раннесредневековым городским поселением, представляющим экономический и политический центр сельской округи. Сельскохозяйственные усадьбы или целые сельские поселения располагались в удобных для земледелия окрестных долинах. На это указывает большое количество подъемного материала, находимого на полях под городищем. В 1972 г. потоки воды вымыли в километре от Баклы скопление пифосов. Два из них были раскопаны нашим отрядом (на венчиках пифосов имелись

Рис. 3. Пифосы из сельскохозяйственной усадьбы под Баклой.

метки, одна из них в виде рыбки). Большие размеры пифосов и массивные венчики с сильным выносом говорят о раннем происхождении этих пифосов¹⁶ (рис. 3). Очевидно, размытое сельское поселение (или загородная сельскохозяйственная усадьба) относится к ранним периодам жизни городища (не позднее VIII в.).

К VI в. город становится опорным пунктом обороны всей округи. В юго-западной части плато на твердом скальном грунте строится цитадель (большая часть посада расположена на мягком материковом мергеле), которая превращается в место сосредоточения экономической, политической и военной власти и куда окрестное население собиралось во время опасности. В цитадели хранились запасы зерна и воды (возможно, вина), на это указывает большое количество пифосов, имевшихся почти в каждом помещении (для посада наличие в каждом помещении большого количества пифосов не характерно). Посад, возможно, являлся ремесленным пригородом (или местом постоянного

жительства земледельческого населения), однако производственных мастерских на территории посада пока не обнаружено. Вполне вероятно, что больших керамических мастерских на посаде встречено и не будет, так как выбор места керамических комплексов определялся наличием залежей хорошей глины, источников воды и топлива, а на Бакле нет ни выходов пригодной для обработки глины, ни хороших источников воды (в настоящее время на плато вообще нет источников). Одной из мастерских, снабжавших Баклу своей продукцией, возможно, является гончарный центр, раскопанный А. Л. Якобсоном и М. Я. Чорефом близ села Трудолюбовка (примерно в 6 км от городища), который они датируют VIII—IX вв.¹⁷ Керамика, изготовлявшаяся в этом центре, очень близка керамике Баклы, особенно черепица и пифосы.

Население Баклы, существовавшей в течение десяти веков, не могло, естественно, обойтись без своего постоянного могильника. На территории городища были обнаружены захоронения, однако они относятся к последним векам жизни на городище (XII—XIV вв.)¹⁸. В двух-трех километрах от Баклинского городища Е. В. Веймарном был раскопан большой могильник, который он датирует IV—IX вв.¹⁹ Однако исследователь не связывает этот могильник с расположенным по соседству городищем, хотя другого большого поселения в районе могильника нет. Во время раскопок на территории Баклы довольно часто встречаются фрагменты ойнохой, которые являются наиболее массовым материалом для могильника. При раскопках 1972 г. на посаде в слоях VII—VIII вв. была найдена ойнохоя, аналогичная сосудам из могильника. Причем, эта ойнохоя имела производственный брак (вмятину на тулове, сделанную по сырой глине). Это указывает на возможную связь Скалинского могильника и Баклинского городища²⁰.

Интересен и тот факт, что при раскопках почти не встречается монет (на территории посада была найдена всего одна монета приблизительно 1259 г. Булгарского чекана с именем ан-Насир лид-дин-аллаха, да и то в верхней гумусной засыпи, не относящейся к слоям жизни на городище). Это, однако, не означает, что Бакла на протяжении своего исторического развития была замкнутым феодальным центром без каких-либо торговых связей. На наличие таковых указывают фрагменты поливной керамики, а также типичных для такого крупного торгово-ремесленного центра, как Херсонес, амфор. Малочисленность монет, вероятно, можно объяснить тем, что торговые связи скорее всего носили натуральный характер.

Разрешение этих и других спорных и пока неясных вопросов — задача будущих раскопок.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Е. В. Веймарн. «Пещерные города» Крыма в свете археологических исследований 1954—1955 гг.—СА, 1958, № 1, стр. 75—76; Т. Н. Высотская. Поздние скифы в юго-западном Крыму. Киев, 1972, стр. 16.

² См.: А. Л. Якобсон. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики.—МИА, 1970, № 168, стр. 5—29.

³ Е. В. Веймарн. «Пещерные города» Крыма..., стр. 71—89; Е го же. О двух неясных вопросах юго-западного Крыма.—АИСК, Киев, 1968, стр. 45—82;

А. Л. Якобсон. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики, стр. 5—29

⁴ Д. Л. Талис. Раскопки Баклинского городища в 1961—1965 гг.—КСИА, 1969, вып. 120, стр. 63.

⁵ Т. Н. Высотская. Поздние скифы в юго-западном Крыму, стр. 17.

⁶ О датировке Баклинского городища см.: Д. Л. Талис, В. Е. Рудаков, С. П. Маркелова. Археологические работы в юго-западном Крыму.—В сб.: Археологические открытия 1971 года. М., 1972, стр. 370—371; Е. В. Веймарн. «Пещерные города» Крыма..., стр. 71—80; Т. Н. Высотская. Поздние скифы в юго-западном Крыму, стр. 188; А. Л. Якобсон. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики, стр. 13.

⁷ На Мангупе мощность культурных напластований (выявленная в результате раскопок нашей экспедиции в 1972 г.) в жилых помещениях не превышает одного метра. См. также: Д. Л. Талис. Сюренская крепость.—ВВ, 1972, с. 33, стр. 227.

⁸ А. Л. Якобсон. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики, стр. 30—58.

⁹ Д. Л. Талис. Исследования в Горном Крыму.—В сб.: Археологические открытия 1970 года. М., 1971, стр. 301.

¹⁰ Т. Н. Высотская. Поздние скифы в юго-западном Крыму, стр. 105, рис. 26.

¹¹ По херсонесской классификации тип V. См.: И. А. Антонова и др. Средневековые амфоры Херсонеса.—АДСВ, 1971, вып. 7, стр. 85.

¹² А. Л. Якобсон. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики, стр. 30—32.

¹³ О такого типа кладке на раннесредневековых поселениях упоминают многие исследователи. См.: Т. И. Макарова. Раскопки около церкви Иоанна Предтечи в Керчи.—В сб.: Археологические открытия 1971 года. М., 1972, стр. 376; М. А. Фрондзуло. Исследования в юго-восточном Крыму.—В сб.: Археологические открытия 1968 года. М., 1969, стр. 319—321; Его же. Раскопки средневекового поселения на окраине с. Планерское 1957—1959 гг.—АЙСК. Киев, 1968, стр. 119; А. Л. Якобсон. Средневековые поселения в Байдарской долине.—КСИИМК, 1959, вып. 76, стр. 99.

¹⁴ Сосуды подобного типа в большом количестве встречались в раскопанном Е. В. Веймарном Скалистинском могильнике. См.: Е. В. Веймарн, А. П. Смирнов. Сосуд с росписью из могильника у села Скалистое.—КСИА, 1965, вып. 100, стр. 102—107.

¹⁵ См.: Т. И. Макарова. Поливная керамика Таманского городища.—В сб.: Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963, стр. 74—78.

¹⁶ См.: А. Л. Якобсон. Средневековые пифосы Северного Причерноморья. СА, 1966, № 2, стр. 189—202; Его же. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики, стр. 33.

¹⁷ А. Л. Якобсон, М. Я. Чореф. Гончарные печи VIII—IX вв. в юго-западном Крыму.—В сб.: Археологические открытия 1971 года. М., 1972, стр. 377—379.

¹⁸ Скорее всего к периоду существования только цитадели, когда жизнь на посаде прекратилась, так как захоронения находятся на территории посада.

¹⁹ Е. В. Веймарн, А. П. Смирнов. Сосуд с росписью из могильника у села Скалистое, стр. 102, примечание. Пользуемся случаем принести благодарность Е. В. Веймарну за возможность ознакомиться с материалами из могильника до их публикации.

²⁰ Подобные сосуды встречаются на довольно большой территории Крыма и Северного Кавказа. Довольно полный перечень находок этих сосудов приведен у С. А. Плетневой (см.: С. А. Плетнева. От кочевий к городам. М., 1967) и у Н. П. Сорокиной (см.: Н. П. Сорокина. Средневековые погребения из некрополя города Кепы на Таманском полуострове.—В сб.: Экспедиции Государственного Исторического музея. М., 1969, стр. 124—130.). В этих работах приведена предшествующая литература. Н. П. Сорокина выдвигает предположение, что ойнохои подобного типа могли изготавливаться «на месте прежних крупных ремесленных центров, какими были античные Херсонес в Крыму и Фанагория на Таманском полуострове», хотя замечает, что «в Крыму, помимо Херсонеса ойнохои могли изготавливать и другие центры» (Н. П. Сорокина. Средневековые погребения из некрополя города Кепы..., стр. 127). К сожалению, керамических мастерских, в которых производились сосуды данного типа, пока не обнаружено, и точно локализовать их производство невозможно (см. сноску 15 в статье А. И. Романчук).